

Международные отношения: история, историография, социокультурная практика

УДК 94(100)«1939/45»

DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

«Коренной перелом» во Второй мировой войне: современные академические дискуссии

Искандэр Э. Магадеев

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия, iskander2017@yandex.ru*

Аннотация. Основное внимание в статье уделяется дискуссиям современных отечественных и зарубежных исследователей о хронологических рамках и самом содержании понятия «коренной перелом» во Второй мировой войне. Его использование историками с самого начала неизбежно было связано с вопросом о вкладе, который отдельные державы антигитлеровской коалиции внесли в общую победу над странами «оси» во главе с нацистской Германией. Неслучайно вокруг этого термина уже вскоре после 1945 г., в условиях набиравшей темпы холодной войны, начали разворачиваться историографические и публицистические дискуссии, которым придавалось не только серьезное исследовательское, но и общественно-политическое значение. Подобные дискуссии продолжаются по сегодняшний день. В статье рассматривается одна из современных ревизионистских концепций «коренного перелома», предложенная британским историком Ф. О'Брайеном. Он стремится опровергнуть представление о решающем характере сухопутных сражений на советско-германском фронте для исхода Второй мировой в целом. Критический анализ аргументов О'Брайена, содержащийся в статье, позволяет не только сформулировать ответ на его концепцию, но и уточнить ряд вопросов, связанных с развитием историографии Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, «коренной перелом», историография, советско-германский фронт, стратегия

Для цитирования: Магадеев И.Э. «Коренной перелом» во Второй мировой войне: современные академические дискуссии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 2. С. 10–21. DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

© Магадеев И.Э., 2021

The “turning point” in the Second World War: contemporary scholar discussions

Iskander E. Magadeev

*Moscow State Institute of International Relations,
Moscow, Russia, iskander2017@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to review the contemporary scholar discussions which take place in the Russian and foreign historiography about the “turning point” in the Second World War. The use of the “turning point” term by scholars was inevitably linked to the question about the relative contribution made by the countries of the “Grand Alliance” to the victory over the “Axis Powers”. Thus, it was logical that after 1945, during the rise of the Cold War, the academic and media discussions about the “turning point” had not only a historiographical but also political significance. Such disputes continue nowadays. This article analyses one of the recent revisionist conceptions about the “turning point” proposed by the British historian Ph. O’Brien. He tried to revise the widely held thesis that the huge land battles at the Soviet-German front were crucial to the outcome of the whole war. A critical evaluation of O’Brien’s conception is fruitful to the further scholar research on the topic as well as to the understanding of the historiographical process itself.

Keywords: Second World War, “turning point”, historiography, Soviet-German front, strategy

For citation: Magadeev, I.E. (2021), “The ‘turning point’ in the Second World War: contemporary scholar discussions”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 10–21, DOI: 10.28995/2073-6339-2021-2-10-21

Введение

Понятие «коренного перелома» является одним из ключевых для понимания динамики развития и хронологии Второй мировой войны. К тому же его использование современниками и последующими историками неизбежно было связано с вопросом о вкладе, внесенном отдельными державами антигитлеровской коалиции в общую победу над странами «оси» во главе с Германией. Неслучайно вокруг этого понятия уже вскоре после 1945 г., в условиях набиравшей темпы холодной войны, начали разворачиваться историографические и публицистические дискуссии, которым придавалось не только серьезное исследовательское, но и общественно-политическое значение.

Подобные дискуссии характеризовались, как правило, противостоянием двух «лагерей». В одном из них находились советские историки, разрабатывавшие (с определенными модификациями, привнесенными в 1960-е гг.) сталинскую концепцию «коренного перелома»; в другом – зарубежные авторы. Представители обоих «лагерей» (как правило, в имплицитной, а не развернутой форме) подразумевали под «коренным переломом» хронологический отрезок войны, связанный с событиями (сражения на фронтах, но не только они), после которых шансы Германии и ее союзников «оси» на победу в войне стали неумолимо сокращаться (начало «перелома») и в итоге сошли на нет (окончание «перелома»). Как в 1986 г. отмечал на одном из «круглых столов» по истории Второй мировой академик А.М. Самсонов, «коренной перелом – это длительный процесс, в который решающий вклад вносят вооруженные силы. Но это и противоборство экономик воюющих стран, это и военнополитический фактор, включая и дипломатию» [Самсонов 1988, с. 373].

При этом позиции советских и западных историков по вопросу о конкретном содержании и хронологических рамках «коренного перелома» разнились. Если первые делали акцент на ключевой роли Сталинградского сражения и битвы на Курской дуге в истории войны, то вторые интерпретировали события на советско-германском фронте как отдельные, пусть и важные, элементы в череде многочисленных «решающих битв». Под последними, наряду со Сталинградом и Курском, подразумевались сражения под Эль-Аламейном, морская битва при атолле Мидуэй, «битва за Атлантику», стратегические бомбардировки Германии [Падерин 2013]. В наиболее прямолинейном и ангажированном ключе речь и вовсе шла о том, что «Третий рейх остановила американская мощь» [Brogan 1964, p. 10].

Учитывая обозначенную выше трактовку «коренного перелома», как советские, так и западные исследователи обращали особое внимание на корпус источников, связанных с оценкой военно-политического и экономического положения Германии. Данный корпус документов, чья сохранность отнюдь не была полной в результате разрушений периода самой войны, тем не менее был широко доступным для историков. Различные его части стали предметом масштабных публикаций, начатых уже вскоре после 1945 г.¹ Однако

¹ См., к примеру: *Nazi Conspiracy and Aggression*. Vol. 1–10. Washington, 1946–1948; *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab)*. Bd. 1–4. Fr. a/M, 1961–1965; *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik*. Ser. E. Bd. 1–8. Göttingen, 1969–1979.

различия в трактовках приводили к тому, что исследователи из разных «лагерей» нередко обращали внимание на различные данные, зафиксированные в источниках: советские историки – на факты, которые подчеркивали роль сражений на сухопутных театрах военных действий, определивших поражение Германии; западные авторы – на значение стратегических бомбардировок с воздуха и экономический ущерб, который понес Третий рейх в результате англо-американских действий в воздухе и на морях.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные представления о хронологии и содержании «коренного перелома» во Второй мировой войне, существующие в современной историографии. Особое внимание обращено на недавние ревизионистские тезисы, заставляющие вернуться к, казалось бы, досконально изученным вопросам.

Хронология и содержание «коренного перелома»

Хотя в современной мировой историографии «разграничительные линии» между историками из разных стран менее очевидны, чем в годы холодной войны, а дискуссии вокруг «коренного перелома» нередко уступают по своей остроте обсуждению иных вопросов Второй мировой («пакт Молотова–Риббентропа», коллаборационизм и др.), о единстве в трактовках все также не приходится говорить. Если опираться на официальные и пользующиеся авторитетом коллективные труды, то большинство российских историков продолжает исходить из того, что «победа советских войск под Сталинградом положила начало коренному перелому в ходе войны, изменив стратегическую обстановку не только на советско-германском фронте, но и на других фронтах Второй мировой» [Великая Отечественная война 2012, с. 421].

Все же ряд важных проблем, в том числе хронологические рамки «коренного перелома», остается дискуссионным и в рамках доминирующей парадигмы. Один из нерешенных вопросов, обсуждавшийся еще в советский период, – место контрнаступления под Москвой в декабре 1941 г. Считать ли его началом «коренного перелома» (об этом в мемуарах писали маршалы А.М. Василевский и В.И. Чуйков, а также ряд советских историков) или исходить из того, что последний начался с контрнаступления под Сталинградом (ноябрь 1942 г.) и завершился советскими успехами в Битве за Кавказ (октябрь 1943 г.) и Битве за Днепр (декабрь 1943 г.) [Данилов 2014]?

Сама концепция «коренного перелома», а также ряд ее дискуссионных моментов во многом проистекают из оценок, данных еще И.В. Сталиным в годы войны. Тезис о том, что период с ноября 1942 г. по конец 1943 г. стал «переломным не только в Отечественной войне Советского Союза, но и во всей мировой войне», был сформулирован «хозяином Кремля» в речи от 6 ноября 1943 г.² За чеканной формулировкой скрывалась, однако, амбивалентность: Сталин, переоценивший возможности Красной армии и степень ослабленности вермахта после поражения под Москвой, рассчитывал, что поворотным станет уже 1942 г. В директиве Ставки Верховного главнокомандования от 10 января в качестве цели советского наступления ставился «полный разгром гитлеровских войск в 1942 году» [Печатнов, Магадеев 2015, с. 126]. Хронология «коренного перелома» изначально отражала не статичный, но менявшийся характер боевых действий и трансформацию точек зрения влиятельных современников.

Определенная преемственность с прошлым наблюдается в современных оценках «поворотной точки» (англ. *turning point*) в войне со стороны ряда зарубежных исследователей. Своего рода «зеркальным отражением» влияния сталинских концепций в советском/российском случае является то обстоятельство, что англо-американская историография нередко и поныне (в той или иной форме) развивает идеи, которые сформулировал еще У. Черчилль в 6-томных мемуарах, опубликованных в 1948–1953 гг. [Reynolds 2005, р. хх]. На страницах своего масштабного труда, создававшегося в условиях набиравшей темпы холодной войны, Черчилль был склонен уделять повышенное внимание именно тем событиям войны, в которые активно были вовлечены Великобритания и США. Сражениями, «когда все стояло на кону», для него были битва за Великобританию и битва за Атлантику, а вторую битву за Эль-Аламейн он сопоставлял по значению со Сталинградом. В сражениях на просторах Атлантики Черчилль видел «доминирующий фактор на протяжении всей войны»: «Никогда ни на один момент мы не могли забыть, что все события на земле, в море, в воздухе зависели, в конечном счете, от ее исхода...»³

С последним тезисом в значительной степени готовы согласиться и многие современные англоязычные историки [Grove et al. 2003, р. 17]. О сохранении идей в духе более ранней концепции

² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны: 1941–1945: Документы и материалы. Т. 1. М.: Политиздат, 1984. С. 429.

³ Churchill W.S. The Second World War. Vol. 5. London: Cassell, 1951. P. 6.

«решающих битв» говорила работа британского историка Ф. Белла, писавшего в 2011 г. о «двенадцати поворотных точках Второй мировой войны», в числе которых Сталинград соседствовал с битвой за Британию, Пёрл-Харбором, высадкой в Нормандии и другими сражениями [Bell 2011]. Продолжает высказываться и не раз критиковавшийся отечественными авторами тезис о второй битве за Эль-Аламейн (октябрь–ноябрь 1942 г.) как о сражении, изменившем ход войны в целом [Hammond 2012]. Российские исследователи подчеркивают, что силы, средства и ресурсы, вовлеченные в сражение в Северной Африке, несопоставимы по своему масштабу с теми, что использовались в тот же период под Сталинградом [Великая Отечественная война 2012, с. 376].

Спецификой отличается точка зрения ряда немецких исследователей, авторов глав для фундаментального труда «Германский рейх и Вторая мировая война». Б. Вегнер, исследуя «исторический топос», связанный с советской кампанией вермахта в 1942 г., полагал, что Сталинград представлял собой «точку невозврата» в развитии войны на Восточном фронте. Однако историк отказывался распространять данную мысль на мировую войну в целом. Трактую «поворотную точку» в войне как рубеж, после которого Германия теряла шансы на победу, Вегнер фактически писал о том, что нацистское государство было изначально обречено на поражение, что выглядит достаточно спорным. Ссылаясь на «неограниченный характер гитлеровских военных целей, раннюю глобализацию войны, крайнюю асимметрию в распределении людских и материальных ресурсов, превосходство Америки в разработке ядерного оружия и, наконец, решимость великих держав завершить войну путем нанесения поражения Германии», Вегнер полагал, что Третий рейх де-факто никогда и не имел шансов «победить в войне *в целом* [курсив в оригинале. – И. М.] в том виде, как это представлял себе Гитлер» [Wegner 2001, р. 1214]. Современный французский историк Н. Векбур также ограничивал последствия Сталинграда преимущественно Восточным фронтом, хотя и полагал, что Сталинград «обозначил конец немецких надежд на победу на русском фронте» [Vaicbourdt 2015, р. 388].

Если ряд советских и российских авторов стремился опустить нижнюю временную границу «коренного перелома» до декабря 1941 г., то дискуссии среди западных исследователей относительно хронологии рассматриваемого явления развивались в несколько ином ключе. С одной стороны, высказываются идеи о том, что «поворотная точка» в войне (как минимум, на Восточном фронте) была пройдена еще раньше. Так, в восьмом томе

«Германского рейха и Второй мировой войны» прослеживается тенденция немецких историков все чаще считать, что Германия потеряла шансы на победу уже в условиях замедления блицкрига осенью 1941 г. [Wegner 2017, p. 8] С другой стороны, германо-американский историк Г. Вайнберг и его британский коллега Р. Овери были склонны отодвигать верхнюю хронологическую границу. В их трактовке «коренной перелом» в войне и потеря Германией шансов на успех рассматриваются как процесс, начавшийся в 1942 г. и закончившийся лишь в 1944 г. Подобная интерпретация, среди прочего, более выпукло подчеркивала вклад западных союзников в победу и роль «второго фронта», а также усиленных стратегических бомбардировок территории Германии [Weinberg 1995].

Овери, как и его коллегу М. Харрисона, можно отнести к числу зарубежных исследователей, в наиболее эксплицитной форме признававших решающую роль советско-германского фронта для судеб Второй мировой войны: «Советский Союз принял на себя главный удар Германии и переломил хребет немецкой мощи» [Overy 1996, pp. 1–2]. Овери считал Восточный фронт «решающим театром военных действий» [Overy 1996, p. 5].

Таким образом, современные исследователи продолжают обсуждать вопросы о том, какие именно сражения и битвы можно считать ключевыми составляющими «коренного перелома», а также хронологические рамки последнего. Однако реже в историографии можно встретить развернутые тезисы о самом содержании и внутренних характеристиках данного понятия и стоящего за ним периода войны. Актуальность уточнению стратегического наполнения «коренного перелома» придает и новый виток дискуссий по данному вопросу, вызванный ревизионистским тезисом, сформулированным в 2015 г. британским историком Ф.П. О’Брайеном [O’Brien 2015].

Ревизионистские тезисы О’Брайена

Делая акцент на роли войны в воздухе и на море, а также количестве ресурсов, которые Германия (65,2% от общего военного производства в июле 1944 г.) и Япония (83,2% в 1944 г.) выделяли на строительство авиации и флота, О’Брайен стремился опровергнуть представление о решающем характере сухопутных сражений на советско-германском фронте для исхода Второй мировой в целом. Исследователь призывал перенести внимание с собственно

боевых действий на фронтах в сферу анализа экономики Германии, полагая, что бомбардировки с воздуха и морская блокада, главную роль в которых играли США и Великобритания, заставляли рейх тратить основные ресурсы на противодействие западным державам. Он считал, что непосредственные материальные потери на советско-германском фронте были значительно меньше того, что «недопроизвела» немецкая экономика в результате англо-американских действий. О'Брайен не останавливался на этом и склонялся к мысли, что «без западной помощи СССР почти гарантированно проиграл бы немцам», американцы же и британцы, «вполне вероятно, победили бы немцев и без советской поддержки» [O'Brien 2000, pp. 108, 110].

Однако с критикой концепции О'Брайена выступил Харрисон. Он справедливо подчеркнул, что невозможно недооценивать роль «территориального фактора» и сухопутной войны в целом, значение людских потерь и фактора морально-психологического состояния. Харрисон отметил особенность военно-промышленных комплексов стран антигитлеровской коалиции, в определенной степени дополнявших друг друга, и фактор межсоюзного военно-технического взаимодействия [Harrison 2015]. Военно-воздушная и военно-морская мощь США и Великобритании были усилены сухопутной мощью СССР, хотя распределение жертв и бремени войны, безусловно, не было равномерным [Магадеев 2020]. Несмотря на работу О'Брайена, традиционная точка зрения о том, что «с момента нападения нацистской Германии на Советский Союз летом 1941 г. было ясно, что Восточный фронт приобрел решающее [*critical*] значение в войне», сохраняет свою актуальность не только в современной российской, но и в англоязычной историографии [MacMillan 2019, p. 26].

Заключение

Таким образом, многие из важных исследовательских параметров в оценке «коренного перелома» остаются предметом дискуссий в современной историографии. Стремление отодвинуть его начало к более ранним стадиям Второй мировой войны (осень – зима 1941 г.) соседствует с расширением его хронологических рамок до более 1,5 лет (ноябрь 1942 г. – июнь 1944 г.). Традиционный тезис о том, что ключевую роль в определении исхода войны сыграли сухопутные сражения на советско-германском фронте 1942–1943 гг., соседствует с уже встречавшейся, но обновленной концепцией о решающей роли «войны в воздухе» и морской блокады.

Многое из обозначенных дискуссий указывает на сохраняющуюся актуальность обобщающих исследований истории Второй мировой войны; работ, которые совмещали бы различные национальные ракурсы и были нацелены на воссоздание полноценной картины «тотальной» и «глобальной войны» [A World at Total War 2005]. Современные дискуссии по вопросам о содержании и хронологии «коренного перелома» кое-что говорят и о более общих процессах в развитии историографии – о влиянии идей современников на позднейшие исследования; о том, что ревизионистские концепции, если они не являются очевидно ангажированными, могут способствовать дальнейшему развитию историографии; о необходимости для исследователя сохранять критический настрой и подвергать скрупулезному анализу не только взгляды других авторов, но и свои собственные.

Литература

- Великая Отечественная война 2012 – Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 3 / Ред. комиссия: В.П. Баранов и др. М.: Кучково поле, 2012. 864 с.
- Данилов 2014 – *Данилов В.Н.* Коренной перелом в Великой Отечественной войне: подходы и суждения в историографии проблемы // Известия Саратовского университета. Сер. «История. Международные отношения». 2014. Т. 14. № 2. С. 32–38.
- Магадеев 2020 – *Магадеев И.Э.* Коренной перелом: содержание и хронология // Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2020. С. 277–288.
- Падерин 2013 – *Падерин А.А.* Сталинградская битва в зеркале западной историографии // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2 (29). С. 95–106.
- Печатнов, Магадеев 2015 – *Печатнов В.О., Магадеев И.Э.* Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: Документальное исследование. Т. 1. М.: Олма медиа групп, 2015. 656 с.
- Самсонов 1988 – *Самсонов А.М.* Память минувшего: события, люди, история. М.: Наука, 1988. 408 с.
- A World at Total War 2005 – A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / Ed. by R. Chickering, S. Förster, B. Greiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 408 p.
- Bell 2011 – *Bell Ph.M.H.* Twelve Turning Points of the Second World War. New Haven: Yale University Press, 2011. 288 p.
- Brogan 1964 – *Brogan D.* American Aspects. New York: Harper & Row, 1964. 195 p.

- Grove et al. 2003 – *Grove P.D., Grove M.J., Finlan A.* The Second World War. Vol. 3. New York: Osprey Publishing, 2003. 96 p.
- Hammond 2012 – *Hammond B.* El Alamein: The Battle that Turned the Tide of the Second World War. London: Osprey Publishing, 2012. 328 p.
- Harrison 2015 – *Harrison M.* World War II: Won by American Planes and Ships, or by the Poor Bloody Russian Infantry? // Warwick Economics Research Paper Series. 2015. No. 1077. P. 1–8.
- MacMillan 2019 – *MacMillan M.* Political Prima Donnas: How Leaders of the Great Powers Wrote to Each Other // Times Literary Supplement. 2019. June 21. P. 26.
- O'Brien 2000 – *O'Brien Ph.P.* East versus West in the Defeat of Nazi Germany // Journal of Strategic Studies. 2000. Vol. 23. P. 89–113.
- O'Brien 2015 – *O'Brien Ph.P.* How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 640 p.
- Overy 1996 – *Overy R.* Why the Allies Won. London: W.W. Norton & Co., 1996. 416 p.
- Reynolds 2005 – *Reynolds D.* In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. New York: Random House, 2005. 655 p.
- Vaichourdt 2015 – *Vaichourdt N.* 1942–1943: les débats stratégiques entre les Alliés // 1937–1947: la guerre-monde / Sous la dir. de A. Aglan, R. Frank. T. 1. Paris: Gallimard, 2015. P. 367–408.
- Wegner 2001 – *Wegner B.* The War against the Soviet Union 1942–1943 // Germany and the Second World War. Vol. 6 / Ed. by Militärgeschichtliches Forschungsamt. Oxford: Clarendon Press, 2001. P. 843–1217.
- Wegner 2017 – *Wegner B.* From Stalingrad to Kursk // Germany and the Second World War. Vol. 8 / Ed. by K.-H. Frieser. Oxford: Clarendon Press, 2017. P. 7–80.
- Weinberg 1995 – *Weinberg G.* A World at Arms: A Global History of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 1197 p.

References

- Baranov, V.P., et al. (eds.) (2012), *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 godov* [The Great Patriotic War of 1941–1945], in 12 vols., vol. 3, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Bell, Ph.M.H. (2011), *Twelve Turning Points of the Second World War*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Brogan, D. (1964), *American Aspects*, Harper & Row, New York, USA.
- Chickering, R., Förster, S. and Greiner, B. (eds.), *A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Danilov, V.N. (2014), “The turning point in the Great Patriotic War: historiographical approaches and conceptions”, *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, no. 2, pp. 32–38.

- Grove, P.D., Grove, M.J. and Finlan, A. (2003), *The Second World War*, vol. 3, Osprey Publishing, New York, USA.
- Hammond, B. (2012), *El Alamein: The Battle that Turned the Tide of the Second World War*, Osprey Publishing, London, UK.
- Harrison, M. (2015), "World War II: Won by American Planes and Ships, or by the Poor Bloody Russian Infantry?", *Warwick Economics Research Paper Series*, no. 1077, pp. 1–8.
- Magadeev, I.E. (2020), "The turning point: contents and chronology", in Belousov, L.S. and Manykin, A.S. (eds.), *Vtoraya mirovaya voina i transformatsiya mezhdunarodnykh otnoshenii: ot mnogopolyarnosti k bipolyarnomu miru* [The Second World War and the international transformations: from multipolarity to the bipolar world], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, pp. 277–288.
- MacMillan, M. (2019), "Political Prima Donnas: How Leaders of the Great Powers Wrote to Each Other", *Times Literary Supplement*, 21 June.
- O'Brien, Ph.P. (2000), "East versus West in the Defeat of Nazi Germany", *Journal of Strategic Studies*, vol. 23, pp. 89–113.
- O'Brien, Ph.P. (2015), *How the War Was Won: Air-Sea Power and Allied Victory in World War II*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Overly, R. (1996), *Why the Allies Won*, W.W. Norton & Co, London, UK.
- Paderin, A.A. (2013), "Stalingrad battle in the mirror of the Western historiography", *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (29), pp. 95–106.
- Pechatnov, V.O. and Magadeev, I.E. (2015), *Perepiska I.V. Stalina s F. Ruzvel'tom i U. Cherkhillom v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Dokumental'noe issledovanie* [Correspondence of I.V. Stalin with F. Roosevelt and W. Churchill during the Great Patriotic War. Documental research], vol. 1, Olma media grupp, Moscow, Russia.
- Reynolds, D. (2005), *In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War*, Random House, New York, USA.
- Samsonov, A.M. (1988), *Pamyat' minuvshogo: sobytiya, lyudi, istoriya* [The memory of the past: events, people, history], Nauka, Moscow, Russia.
- Vaicbourdt, N. (2015), "1942–1943: les débats stratégiques entre les Alliés", in Aglan, A., et Frank R. (eds.), *1937–1947: la guerre-monde*, vol. 1, Gallimard, Paris, France, pp. 367–408.
- Wegner, B. (2001), "The War against the Soviet Union 1942–1943", in Militärgeschichtliches Forschungsamt (ed.), *Germany and the Second World War*, vol. 6, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 843–1217.
- Wegner, B. (2017), "From Stalingrad to Kursk", in Frieser, K.-H. (ed.), *Germany and the Second World War*, vol. 8, Clarendon Press, Oxford, UK, pp. 7–80.
- Weinberg G., (1995), *A World at Arms: A Global History of World War II*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Искандэр Э. Магадеев, кандидат исторических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; iskander2017@yandex.ru

Information about the author

Iskander E. Magadeev, Cand. of Sci. (History), Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadskii Avenue, Moscow, Russia, 119454; iskander2017@yandex.ru